

НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ И ИХ УЧЕНИКОВ

Иштван Феринц

Древнейшим литературам Болгарии и Руси присуща одна общая характерная черта. Это поразительная краткость периода литературного ученичества.¹ Если в отношении Киевской Руси, где первые замечательные произведения появились спустя всего лишь полвека после крещения Руси, есть веские основания полагать, что болгарские книги в достаточном количестве проникали на Русь до крещения Руси, т.е. другими словами, первые древнерусские авторы опирались на более или менее длительную, почти столетнюю болгарскую традицию "скрытого" ученичества, то применительно к болгарской литературе, к болгарской культурной ситуации подобные допущения не имеют смысла. Творения первого поколения болгарских писателей: Климента Охридского, Иоанна Экзарха, Константина Преславского и их современников убеждают нас в том, что именно первое поколение книжников создало большое количество словесных памятников высокой художественной ценности. Это поколение создало "золотой век" словесности, о чем справедливо пишет Д.С. Лихачев: "Появление литературы такого высокого уровня, как литература древнеболгарская, кажется почти чудом. Поражает быстрота ее формирования и глубина ее общечеловеческого содержания, сложность выражаемых ею идей."²

Это "чудо" часто обращало на себя внимание исследователей, и этому "чуду" даются различные объяснения. Справедливо указывают на то, что Болгария восприняла культурные традиции Византии. Вместе с тем сама почва Болгарии была напоена культурными соками античной Греции и Рима, т.е. "чудо" объясняется – помимо гениальности Кирилла и Мефодия – прежде всего тем, что болгарский народ оказался способен воспринять всю эту

богатую традицию. А способность к восприятию сформировалась в болгарском народе потому, что Болгария издавна была территорией великих культур и соседствовала с самыми просвещенными народами тогдашней Европы. Кроме того, указывают и на то, что развитый языческий фольклор подготовил далеко не скудную почву для расцвета христианской письменности.³ Все это, несомненно, верно. Но это является только необходимой предпосылкой для осуществления "чуда", но полностью ею не объясняется. Гениальность Кирилла и Мефодия состояла не только в том, что они создали азбуку, орфографию и на основе болгарского – великолепный тонкий литературный язык, способный выражать самые сложные отвлеченные идеи, но и в том, что они поняли: письменность в культуре Болгарии должна стать доминантой, а не лишь одним из равноправных компонентов культуры. Это же относится затем и к культуре древней Руси. Создание высокохудожественной литературы в Болгарии, естественно, потребовало титанических, подвижнических усилий первых поколений христианизированной интеллигенции, которая, безусловно, в строительстве культуры выделяла прежде всего вербальный аспект. "Словесности" отводилась особая, первенствующая роль. Нет сомнения, – пишет А.М. Панченко, – что эти усилия имели идеологическую подоплеку. Писатель в Болгарии "золотого века" – это апостол.⁴

По источникам, деяния Кирилла и Мефодия находят свое главное оправдание в возвеличении апостольской деятельности, которую они рассматривали как долг и в то же время как необходимость. Крещение славян является не чем иным, как превращением божественного желания в историческую действительность, ибо Бог хочет, "чтобы все люди спаслись и достигли познания истины."⁵ Эта концепция имеет программное значение, и она изложена в начале Проложного Жития Константина (в дальнейшем: ПЖК)⁶ посредством цитат от апостола Павла: "Да быше вѣси сѣни были и въ разоумь истиннии пришли" (I, 1), затем цитата приобретает еще бóльший акцент, так как слова апостола Павла приводятся на этот раз в начале императорского послания великоморавскому князю Ростиславу:

"Бѣ, хотеи въсакомоу даби въ разумь истинныи пришьль" (XIV, 6). Эту концепцию можно открыть и в "Сказании о буквах (о писменехъ)" Черноризца Храбра, в котором она выполняет функцию идеологической предпосылки. Главное желание Провидения – "языковое" спасение человечества посредством апостольской деятельности – еще сильнее подчеркивается в ПЖК, где перефразируется стих пророка Исаии: "...уши глухих отверзутся" (Ис. 35:5) "... и косноязычные будут говорить ясно". (Ис. 32:4): "И ѡ(т)врьзоше се, по пр(о)р(о)чьскомуу словеси, оушеса глоухы(х)" и оуслышаше книжнаа словеса, "и езыкь ясенъ бы(ст)ь гоугнивыи(х)" (XV, 3). Как указывает профессор Р. Пиккио, эта же концепция используется автором Болгарской легенды ("Пространное греческое житие" Климента Охридского, написанное Феофилактом) (II, 4), чтобы восхвалить воздействие Слова, которое посредством своего конкретного человеческого выражения освобождает людей от "алогии" (*αλογία*, т.е. бессловесие, бессловесность, духовная неустроенность), как от материального бессловесия, вызываемого отсутствием слов, так и от духовного, т.е. от отдаленности Слова Божьего.⁷

Таким образом, необходимость распространения Слова на родном языке становится доминирующей темой для всех аргументаций, которые приводятся в пользу освобождения славянского языка от духовного бессловесия. "...Доуша безбоуковна мр'тва являється въ чловѣцѣхъ"; – писал Кирилл Философ в "Прогласе" к переводу Евангелия.⁸ "Бессловесные" язычники подобны бездушным скотам. Следовательно, главная задача первых поколений болгарских и русских писателей – "освобождение слова". Однако, Рим был озабочен употреблением славянского языка. Папа и кардиналы не возражали против апостольского употребления славянского языка, но отказывались признать за этим языком литургическое достоинство. Поэтому солунским братьям и их последователям приходилось заботиться о новых и новых аргументах, долженствующих подтвердить правомочность литургического употребления славянского языка. Эти аргументы были различного свойства: несомненно, одним из наиболее сильных было само создание высокой литературы.

Авторы первых славянских прозаических и поэтических произведений о солунских братьях рассматривали славянский язык как дар Святого духа.⁹

В "Деяниях святых" апостолов рассказывается, как апостолы, Богородица и другие верующие собрались в Пятидесятницу в "горнице" одного дома. "И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились; И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать."¹⁰ Описанное событие в значении Святого Духа и самой Пятидесятницы имеет свои глубокие догматические корни. Перед своим вознесением Христос сказал апостолам: "через несколько дней после сего будете крещены Духом Святым",¹¹ и повелевает им быть его свидетелями и проповедовать Евангелие всем народам и языкам: "... вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли".¹² С принятием Святого Духа Христова церковь начинает свою полноценную жизнь, и этим объясняется, что Пятидесятница вместе с Пасхой и Рождеством Христовым относится к числу крупнейших праздников Восточной церкви. Этот праздник именно во времена Кирилла и Мефодия и их учеников приобретает свой окончательный облик. Событие, о котором говорится в "Деяниях святых апостолов", может иметь различное толкование. Для солунских братьев и их учеников дар языка (глоссолалия), очевидно, имеет значение, что отдельные языки являются языками отдельных стран, и в соответствии с этим язык любого крещеного народа становится и литургическим языком. Авторы древнейших произведений о Кирилле и Мефодии понимают славянский язык как дар Святого Духа, которым может пользоваться один "нов" и "млад" крещеный народ.¹³ Так, например, в Житии Кирилла император Михаил II пишет князю Ростиславу о новом славянском письме как о новом проявлении дара Святого Духа, ведь Бог не только раньше, но и теперь "въ наша лѣта явль боуквы въ вашъ езыкъ, егоже не бѣ испрѣва было, нъ тъкмо въ прѣваа лѣта, да и вы причѣтете се великихъ езыцѣхъ,

иже славе(т) Бѣ свои(м) езикѡ(м).¹⁴ Эти слова императора звучат почти программно: славянский народ, как во времена Христа, когда языки возникают благодаря Святому Духу, может причислиться к великим народам. Равноправие языков перед Святым Духом подчеркивается и в Житии Мефодия. Здесь сам папа Адриан II в своем послании Ростиславу, Святополку и Коцелю признает славянский язык равноправным с латинским, имея в виду и дар Святого Духа: "... да на мѣши пѣрвѣе чѣтоуть ап(с)лъ и еванѣлие римьскы, таче словѣнскы, да са испълнить книжьное слово яко: въсхвалать г(с)а вси языци" [Псал. 116:1] и дрогоиде: "вси възгълтъ языки различны величья божиа, якоже дасть имь сѣти дѣхъ ѡ(т)вѣщавати" [по Деян. 2:4 и 11] (ПЖМ, гл. VIII). Характерно, что первые гимнографы и ученики Кирилла и Мефодия воспевают славянский язык как непосредственный дар Святого Духа. Неизвестный автор в Каноне Кирилла и Мефодия называет Кирилла сокровищницей (сѣкровище) Святого Духа. Именно так, как нетленный божий дар понимает "буковное", т.е. книжное слово на своем родном языке и автор "Прогласа", который так обращается к своим слушателям:

тѣмже оуслышите словѣни вси
даръ бо есть ѡ(т) бога съ дань...
даръ бѣжи дѣшамъ николиже тлѣе.¹⁵

Автор "Прогласа" высоко оценивает значение этого "нетленного дара", ибо книжное слово "питает" душу человека, обогащает и укрепляет человеческий ум и сердце:

слышите слово ѡ(т) бѣ бо приде
слово иже крѣмить дѣше члѣвчские
слово еже крѣпитъ ср(д)ца и оумы.¹⁶

Исходя из понимания языков как дара Святого Духа, первые славянские книжники приравнивают Кирилла к ученикам Христа, апостолам. Климент Охридский называет его новым апостолом ("Кирила, новааго ап(с)ла и учителя ... тому бо съ новии ап(с)лъ

посланъ бы(с)." (ПК, с. 438, 439).¹⁷ В "Похвальном Слове" Кириллу и Мефодию еще ярче выражается апостольство: "бѣ бо ѹмоу данъ даръ дѣховныи языки глѣти, яко и ап(с)лоу" [ПКМ, с. 469]. Характерно, что солунские братья представляются читателю не столько просветителями славян, сколько новыми апостолами вселенского масштаба. Если автор "Похвального Слова Кириллу" говорит о славянах как о "нашем народе", то автор "Похвального Слова Кириллу и Мефодию" – о новом народе, о новом языке, о новых буквах. Кирилл и Мефодий не работают среди своего народа, они уходят в чужую землю. Автор всячески старается подчеркнуть вселенскую значимость деятельности братьев, которых можно сравнить с апостолами Павлом и Петром, также ушедших в чужие страны, чтобы крестить людей не своего народа. Кирилл и Мефодий – новые апостолы, которые обошли все страны, которые показали пример христианской евангельской любви, которые трудились "толико Христа ради въ вѣсточныхъ и западныхъ и сѣверскихъ странахъ", – вот основной смысл текста.¹⁸ В их деятельности подчеркивается все то, что их делает равными Павлу и Петру и устраняется все частное, исключается все, что навязывает мысль о возможном мирском, политическом фоне деятельности славянских первоучителей. Остается только конфигурация: Христос – новые апостолы – новый народ.

Изучая литературные традиции "Похвального слова Кириллу и Мефодию", Д. Фрайданк обращает наше внимание на то, что сравнение Кирилла и Мефодия с апостолами Павлом и Петром не вербализируется, о Павле и Петре даже упоминания нет. Однако, привлечение греческих текстов показывает, что автор "Похвального слова" в значительной мере придерживается топики похвал апостолам, особенно же похвал Павлу и Петру. Правда, за редкими исключениями текст "Похвального слова" не совпадает полностью с формулировкой греческого текста. Автор, видоизменяя, применяет топосы, – пишет Фрайданк.¹⁹ Но стремление автора ставить своих героев в один ряд с уже известными святыми, очевидно. Об этом свидетельствуют многочисленные совпадающие развернутые сравнения, характеризующие их деятельность. Приведенные Фрайданком примеры показывают, "что автор ПСКМ

располагал текстом, чрезвычайно близким к цитированному, греческому. Но использовал он его как собрание топосов."²⁰

Эти топосы, помимо того, что выделяют духовную близость героев к апостолам, в то же время подчеркивают у них единство слова и дела. Ведь слово звучит не в суете в том случае, когда оно или сопровождается, или предваряется делом: Иисус "аще бы не освѣтил очесу слѣпааго, то не бише ему вѣры ели, глаголюще: "Азь есмь свѣтъ мира сего." Кто поверил бы рыбалям и мытарям, "грубом сущемъ", что они носители Слова? "Нъ езикъ апостольскъ чюдеса бѣаху, уста апостольска бѣаху въставлѣюща мртвые, и слѣпы освѣщающа, и хромы твореща ходити."²¹ Эти размышления имеют касательство к кирилло-мефодиевской идее продолжающегося апостольства. Слово Кирилла и Мефодия предварено делом – крещением славянского народа, "языка нова". Кирилл и Мефодий оживили "мертвые безбуковные души", открыли глаза слепцов, косневших во тьме язычества, наставили их на правый путь.

Создание высокой литературы для учеников Кирилла и Мефодия означало возможность присоединения к делу продолжающегося апостольства, ведь создавая новые и новые произведения, они продолжали творить чудо "отнятия бессловесия", "духовной неустроенности". Будучи глубоко убеждены в том, что владение Словом есть жизнь, свою задачу все писатели кирилло-мефодиевского круга видели в "отворении уст" новообращенных славян и в освобождении их от духовной смерти.

Само собой разумеется, что апофеоз и апология писательского труда имеет для этих писателей особое значение. А.М. Панченко подробно рассмотрел проблему апофеоза и апологии писательского труда у Иоанна Экзарха в Шестодневе. Вкратце его наблюдения сводятся к тому, что самоуничижительная формула, с которой традиционно для всякого христианского книжника Иоанн начал свое произведение, в сущности имеет отношение не столько к проблеме смирения, сколько к проблеме благочестия. Самоуничижительные формулы удостоверяют именно благочестие автора и, следовательно, авторитетность его труда, ибо писатель, унижающий себя перед богом, тем самым подчеркивает

свою зависимость от него, незримую связь с ним. Иначе говоря, читателю внушается, что он писатель "божьей милостью." Уподобляя литературное творчество строительству храма, а себя как писателя – неимущему зодчему, который принужден одалживать у богачей, Иоанн пишет, что брал "истовая словеса" у разных авторов. В этом уподоблении слово великих предшественников – это мрамор и кирпич, а собственное слово – солома и прутья. Иоанн Экзарх, заявляя о своей "нищете ума", о зависимости от "учителей великих и славных", не унижает себя как писателя, но прославляет, ибо "бес приклада творит" только бог, и тем самым как бы приобщает и свой труд к апостольской традиции: "Въ слѣдъ ниихъ же и мы волимъ грести". Богом дан "приклад", и следовать этому "прикладу" – благочестивая обязанность. Христианский книжник подражает творцу и в известном смысле уподобляется ему.

Как мы видели, древнеболгарские литературные памятники говорят о деятелях Болгарии как о деятелях всего славянства и о просвещении славян как о факте распространения христианства на весь мир. Болгарское самосознание, необычайно интенсивное для народа, только что вышедшего на мировую арену, не отделяло Болгарию от всей вселенной, не замыкало болгарский народ в его узконациональных политических и культурных интересах, а было преисполнено живой уверенностью в общемировом значении Болгарии. Болгария, с точки зрения древнеболгарских писателей – важнейший этап в распространении христианства на весь мир. Именно эта черта характерна не только для памятников письменности, но и для всей деятельности Кирилла и Мефодия. Их проповедь была апостолической. Широта и открытый характер древнеболгарской культуры способствовали ее восприятию в других славянских странах, Древнеболгарская культура легла в основу культур других православных славянских стран и некоторых неславянских стран. В этом ее огромное общеславянское и общеевропейское значение.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ См. Панченко А.М. Некоторые эстетические постулаты в "Шестодневе" Иоанна Экзарха. В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976, т. I, с. 32-41.
- ² Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 37.
- ³ Динеков П. Български фолклор. Ч. I. Изд. 2-е. София, 1972, с. 188-190.
- ⁴ Панченко А.М. Ук. соч., с. 33.
- ⁵ Павел I Тим., 2:4.
- ⁶ Пространно житие на Константин-Кирилл Философ [ПЖК]. В кн.: Климент Охридски. Събрани съчинения, т. 3. София, 1977, с. 89 и сл. Цитаты даются по этому изданию, однако, надстрочные буквы вносятся в строку в круглых скобках.
- ⁷ Picchio R. Questione della lingua e Slavia cirillometodiana на българском языке: Въпросът за езика и кирило-методиевското славянство. В кн.: Рикардо Пикно. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993, с. 191-333.
- ⁸ Цит. по Лаврову П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, с. 197.
- ⁹ См. Джордже Трифунович. Дарът на Светия Дух и славянските езици. В кн.: Кирило-Методиевски студии, кн. 4. София, 1987, с. 76-80.
- ¹⁰ Деяния святых апостолов, 2:2-4.
- ¹¹ Там же, 1:5.
- ¹² Там же, 1:8.
- ¹³ Джордже Трифунович. Ук. соч., с. 78.
- ¹⁴ ПЖК, с. 104.
- ¹⁵ П. Динеков, К. Куев, Д. Петканова. Хрестоматия по старобългарска литература. , София, 1978.
- ¹⁶ Там же, с. 54.
- ¹⁷ Похвала за Кирил Философ [ПК]. В кн.: Климент Охридски. Събрани съчинения, т. 1. София, 1970.
- ¹⁸ Фрайданк Д. Литературные традиции "Похвального слова Кириллу и Мефодию". В кн.: Кирило-Методиевски студии, кн. 4. София, 1987, с. 91-95.
- ¹⁹ Там же, с. 93.
- ²⁰ Там же, с. 94.
- ²¹ Панченко А.М. См. сноску 1, с. 37.